

Шостакович 8

1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА  
г. Москва

2 мая 1985 г.

## ВСТУПИЛ ПОБЕДНЫЙ

Дмитрий Шостакович

# «ПРОВЕРИЛ НА САМОМ СЕБЕ»

**К**ОМПОЗИТОРОМ, создавшим музыкальную легенду Великой Отечественной войны, назвал Дмитрия Дмитриевича Шостаковича один из его биографов. Действительно, к лучшим страницам советской музыкальной классики принадлежат произведения, созданные Д. Шостаковичем в те трудные, соровы годы. О его Ленинградской симфонии стало известно всему свету еще тогда, когда вокруг города на Неве только что замкнулось кольцо блокады. А первые исполнения ее прозвучали в 1942 году и в нашей стране, и за рубежом. Кроме этого сочинения, Д. Шостаковичем были написаны Восьмая симфония, Трио, Третий квартет, траурный симфонический прелюд памяти героев Сталинграда, «Новороссийские куранты», многие песни и хоры...

Фотографии времен войны запечатлели его в форме бойца пожарной команды на крыше Ленинградской консерватории, на репетиции Седьмой симфонии. Кукрыниксы тогда нарисовали его за роялем с винтовкой за спиной, перепоясанного пулеметными лентами, где вместо гильз — ноты. Да, своим оружием, своей музыкой, героической, патриотической, боролся он с врагами...

Дмитрий Дмитриевич Шостакович, оставаясь в Ленинграде, не только писал музыку. Он продолжал работу и в Союзе композиторов, и в издательстве, занимался с немногими оставшимися в городе студентами, выступал на концертах в фонд обороны, с Театром народного ополчения, которым руководил Н. Черкасов, дважды выезжал в прифронтовую полосу. Затем уже в Москве много концертировал; играл сам и в ансамбле, записывался на радио и работал в Московской консерватории. Он вошел в состав художественного совета этого крупнейшего творческого вуза страны, который после короткого периода эвакуации вернулся в столицу и продолжил подготовку музыкальных кадров. Весной 1943 года была создана комиссия под председательством Д. Д. Шостаковича для пересмотра репертуара исполнительских факультетов. Он большое внимание уделял всем этим своим обязанностям, тщательно и скрупулезно вникал во все, что бы ни делал.

Собирая материал о работе концертных фронтовых бригад, составленных из преподавателей и студентов Московской консерватории во время войны, а за четыре года было несколько тысяч, я просматривала в ЦГАЛИ (Центральном государственном архиве литературы и искусства) немногочисленные папки документов МГК, сохранившиеся с тех соровых лет. И вот в одной из них в деле об утверждении в ученой степени кандидата искусствоведческих наук Агнин Алексеевны Алявдиной мне попался на глаза небольшой листок, буквально клочок бумаги, которую мы сегодня назвали бы оберточной (ведь шла война), на котором характерным нервным почерком было написано несколько строк:

«Работа А. А. Алявдиной «К проблеме исполнительской техники» является ценным вкладом в дело обучения исполнителей. Эту работу необходимо допустить к защите на кандидатскую диссертацию.

Д. Шостакович  
19 VI 1944.

А дальше среди документов, обязательных при защите, идет стенограмма заседания, где записано выступление Д. Д. Шостаковича — официального оппонента. В его словах видна заинтересованность и серьезное отношение к делу обучения молодых исполнителей, и в то же время все это выступление окрашено мягким юмором и большой человечностью.

Но чтобы было понятно, о чем идет речь, несколько слов о сути работы руководителя кафедры общего фортепиано военного факультета Московской консерватории Агнин Алексеевны Алявдиной.

Один из тезисов диссертации заключался в том, что руки, пальцы музыканту нужно развивать и без инструмента, глядя в ноты и слыша музыку внутренним слухом.

**Б**ЕРЕТ слово профессор Д. Д. Шостакович: — Мне кажется, работа представляет большую ценность и большое практическое значение. Какие тут имеются полезные для музыканта, обучающегося исполнительскому мастерству, качества работы? Во-первых, очень большое развитие так называемого внутреннего слуха при таком методе работы. Это играет большую роль в культурном и техническом развитии каждого музыканта.



Во-вторых, умение сосредоточиться на музыкальном материале. Я понимаю, что чрезвычайно полезно бывать играть гаммы, арпеджи и целый ряд упражнений такого рода. Но, однако, при занятиях на том или ином инструменте необходимо также вникать и в самый музыкальный материал, с которым исполнителю придется иметь дело в будущем. В смысле техническом это даст очень большую пользу освобождению рук, плечевого пояса, и играть становится легче, когда руки не стянуты и свободно себя чувствуют.

При знакомстве с этой работой Агнин Алексеевна меня очень заинтересовала ее практические результаты, и я решил проверить этот метод на самом себе. Поэтому разрешите несколько слов сказать о себе.

Покойный замечательный музыкант Болеслав Леопольдович Яворский, когда я впервые имел честь с ним познакомиться, очень критически отнесся к моим пианистическим возможностям, посмотрев на мои руки и доказав, что моя рука очень мало подходит для игры на фортепиано.

У меня очень негибкие пальцы и очень плохо растянутые руки. Это отнюдь не является недостатком моего учителя профессора Л. В. Николаева, который на это не обращал особого внимания, когда я занимался, а это недостаток природный. И Б. Л. Яворский говорил мне, что, по его мнению, достойно очень большого удивления, как с таком очень плохой рукой я все-таки достиг на фортепиано некоторых успехов. Но кое-что на фортепиано мне не удалось до последних дней, в частности, мне очень плохо удавались большие двойные ноты, умение играть сектами — это мне удавалось с наибольшим трудом, и сколько я над этим делом ни работал, успехи были чрезвычайно невелики. В частности, две пьесы из общего фортепианного репертуара — Токката Шумана и дес-дурный этюд Шопена, написанный в правой руке сектами, а в левой руке — двойными интервалами — мне так и не удавались, хотя я неоднократно пытался эти произведения выучить. Не удавались именно в силу тех причин, что мало гибкие и плохо растянутые пальцы.

При знакомстве с работой А. А. Алявдиной я решил на себе испытать практические результаты. Не попробовать ли мне еще раз взяться за

Токката Шумана и ее поучить. И, начав по предложенному Агниной Алексеевной способу заниматься, я достиг некоторых успехов. Мне бы поупражняться еще немного, и я имел бы, может быть, возможность здесь вместо словесного выступления по сегодняшней диссертации сыграть довольно бегло Токката Шумана. Это было бы веселое и убедительное.

Таким образом, я на себе убедился, какую это приносит большую пользу. Мы имеем очень много хороших, я бы сказал, выдающихся фортепианных школ разных направлений, разных методов — это школы проф. Игумнова, Гольденвейзера, покойного Л. В. Николаева, которые дали нам блестящие результаты, каждая по своему методу работать с учениками, по своему способу. Поэтому я отнюдь не хотел бы выступать агитатором за монополию того метода обучения игре на музыкальных инструментах, который предлагает Агния Алексеевна. Это должно быть одним из способов обучения, но отнюдь не следует монополизировать и навязывать его обязательно всем педагогам, по всему Советскому Союзу, по всем консерваториям.

Нет, это не нужно и вряд ли было бы полезно, ибо каждый педагог и каждый ученик является всегда лицом с определенной индивидуальностью, и не следует способ одного педагога обязательным навязывать другому.

Теперь я хотел бы в двух словах остановиться на одном, с моей точки зрения, значительном недостатке этой системы. Эта работа на расслабленных мышцах, без инструмента, упершись глазами в нотный текст, мне показалась несколько скучноватой.

И таким образом мне кажется, что всякая учеба, всякое обучение тому или иному мастерству, тому или иному искусству должно, по возможности, этот элемент скучки как-то изымать из своего употребления, потому что, действительно, может быть, как ни прекрасна та музыка, которую мы мысленно рассматриваем, однако же играть ее мысленно и вдобавок в очень медленном темпе, нажимая только мысленно пальцами, мне показалось несколько скучновато, и я не мог долго так заниматься. Я выдерживал такого рода занятия минут 20—25. Меня в данном случае утешала такого рода мысль, что корень учения горек, но плоды его сладки, в чем я на себе убедился, когда Токката Шумана у меня бегло

была убийством.

Очень полезно, что это у исполнителя развивает внутренний слух, что является очень важным и необходимым обстоятельством.

Диссертация сделана очень убедительно, очень солидно, с основательной и солидной проработкой большого научного материала. И мысли, излагаемые в этой диссертации, имеют, без сомнения, большое практическое значение, в чем можно убедиться на тех занятиях, которые проводит Агния Алексеевна.

Я считаю, что диссертация защищена и А. А. Алявдиной следует присудить учченую степень кандидата искусствоведческих наук.

**И**ТАК, защита состоялась. Еще один человек получил учченую степень в далекой от войны области наук, и это тогда, когда уже три года бушевал военный пожар. Но уже гремели салюты в честь освобожденных городов. Советские войска окончательно изгнали фашистских оккупантов с территории Советского Союза. Разоренные земли начинали подниматься из руин, и приметы мирной жизни понемногу заменяли тяготы военных лет.

Успешному решению мирных задач содействовал многогранный талант Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, которому тогда не было еще тридцати восьми лет.

Марина ШАШКОВА.

● Дмитрий Шостакович. Рисунок А. Крученых. «Очень хороший портрет. Мне очень нравится». Д. Шостакович.

20 VII 1945.